

Тревога военного лета.
Опять подступает к глазам
Шинельная серость рассвета,
В осколочной оспе вокзал.
Спешат санитары с разгрузкой.
По белому — красным кресты.
Носилки пугающе узки,
А простыни смертно чисты.
До жути короткое тело
С тупыми обрубками рук
Глядит из бинтов онемело
На детский глазастый испуг.
Кладут и кладут их рядами,
Сквозных от бескровья людей.
Прими этот облик страданья
Мальчишеской жизнью твоей.
Забудь про Светлова с Багрицким.
Постигнув значенье креста,
Романтику боя и риска
В себе задуши навсегда!
Душа, ты так трудно боролась...
И снова рвалась на вокзал,
Где поезда воинский голос
В далекое зарево звал.
Не пряча от гневных сполохов
Сведенного болью лица,
Во всем открывалась эпоха
Нам — детям ее — до конца.
...Те дни, как заветы, в нас живы.
И строгой не тронут души
Ни правды крикливой надрывы,
Ни пыл барабанящей лжи.

Еще метет во мне метель,
 Взбивает смертную постель
 И причисляет к трупу труп, —
 То воем обгорелых труб,
 То шорохом бескровных губ
 Та, давняя метель.
 Свозили немцев поутру,
 Лежачий строй — как на смотру,
 И чтобы каждый видеть мог,
 Как много пройдено земель,
 Сверкают гвозди их сапог,
 Упертых в белую метель.
 А ты, враждебный им, глядел
 На руки талые вдоль тел.
 И в тот уже беззлобный миг
 Не в покаянии притих,
 Но мертвой переключки их
 Нарушить не хотел.
 Какую боль, какую мечь
 Ты нес в себе в те дни!
 Но здесь
 Задумался о чем ты
 В суровой гордости своей,
 Как будто мало было ей
 Одной победной правоты.

4.00 22 ИЮНЯ 1941

Когда созреет срок беды всесветной,
 Как он трагичен, тот рубежный час,
 Который светит радостью последней,
 Слепя собой неискушенных нас.
 Он как ребенок, что дополз до края
 Неизмеримой бездны на пути, —
 Через минуту руки простирая,
 Мы кинемся, но нам уж не спасти...
 И весь он — крик, для душ не бесполезный,
 И весь очерчен кровью и огнем,
 Чтоб перед новой гибельною бездной
 Мы искушенно помнили о нем.

РУБИНОВЫЙ ПЕРСТЕНЬ

В черном зеве печном
 Красногривые кони.
 Над огнем —
 Обожженные стужей ладони.
 Въелся в синюю мякоть
 Рубиновый перстень —

То ли краденый он,
То ль подарок невестин.
Угловатый орел
Над нагрудным карманом
Держит свастику в лапах,
Как участь Германии.
А на выгоне
Матерью простоволосой
Над повешенной девушкой
Вьюга голосит.
Эта виселица
С безответною жертвой
В слове «Гитлер»
Казалась мне буквою первой.
А на грейдере
Мелом беленные «тигры»
Давят лапами
Снежные русские вихри.
Новогоднюю ночь
Полосуют ракеты.
К небу с фляжками
Пьяные руки воздеты.
В жаркой школе —
Банкет.
Господа офицеры
В желтый череп скелета
В учительской целят.
В холодящих глазницах,
В злорадном оскале,
Может, будущий день свой
Они увидали?..
Их веселье
Штандарт осеняет с флагштока.
Сорок третий идет
Дальним гулом с востока.
У печи,
На поленья уставясь незряче,
Трезвый немец
Сурово украдкой плачет.
И чтоб русский мальчишка
Тех слез не заметил,
За дровами опять
Выгоняет на ветер.
Непонятно мальчишке:
Что все это значит?
Немец сыт и силен —
Отчего же он плачет?..
А неделю спустя
В переполненном доме
Спали впóкат бойцы
На веселой соломе.

От сапог и колес
Гром и скрип по округе.
Из-под снега чернели
Немецкие руки.
Из страны непокорной,
С изломистых улиц
К овдовевшей Германии
Страшно тянулись.
И горел на одной
Возле школы,
На въезде,
Сгустком крови бесславной
Рубиновый перстень.